

Литература

1. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1902 год. Саратов, 1901.
2. Алисов Д.А. Административные центры Западной Сибири: городская среда и социально-культурное развитие (1870–1914 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2007.
3. Бухарова Ю.А. Социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2006.
4. «Весь Царицын» на 1902 год. Адрес-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. Царицын, 1901.
5. Города России в 1904 году. Спб., 1905.
6. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 96. 3-е делопроизводство. 1898 г. Д. 1.
7. Государственный архив Саратовской области. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1090.
8. Лепешинская А., Добрынин Б. Волга / под ред. А.А. Крубера. М., 1911.
9. Минх А.Н. Город Аткарск: материалы для историко-географического описания Саратовской губернии. Аткарск, 1908.
10. Минх А.Н. Наша статистика (Из недавнего прошлого) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 167–202.
11. Опыт российских модернизаций XVIII – XX вв. / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. Спб., 1904.
13. Сидоров В.М. По России. Ч. 1. Волга. Путевые заметки и впечатления от Валдая до Каспия. Спб., 1894.
14. Усов П. наброски на Волге (путевые впечатления 1883 года) // Новь. 1891. № 9–10. С. 36–42.

Culture of the Russian province at the end of the XIX – beginning of the XX century (on the basis of the material of county towns of Saratov province)

There are regarded the peculiarities of formation and development of the Russian province culture at the period of early industrial modernization. On the basis of the material of county towns of Saratov province, there are revealed the basic factors of development and functioning of the city culture environment.

Key words: *province culture, county town, modernization, urbanization, city culture of the industrial type.*

Н.М. КОГАЕВА
(Элиста)

**СТОЛЫПИНСКОЕ
ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО В КАЛМЫКИИ**

Освещены малоизученные вопросы проведения столыпинского аграрного законодательства в Калмыкии. Подробно охарактеризованы переселенческая политика и Столыпинская аграрная реформа в Калмыкии. Работа основана на широком круге источников, впервые вводимом в научный оборот.

Ключевые слова: *калмыки, кочевники, Столыпинская реформа, землеустройство, переселенческая политика.*

Аграрная политика российского правительства в Калмыкии в начале XX в. относится к малоизученным вопросам. Эта проблема лишь фрагментарно затрагивается в монографиях А.Н. Команджаева и А.И. Наберухина [5; 6]. В связи с этим автор, основываясь на архивных источниках, анализирует некоторые аспекты проведения столыпинского землеустройства на территории проживания калмыков-кочевников.

На обострение земельного вопроса в Калмыкии начала XX в. влиял ряд обстоятельств. Так, немаловажным был процесс перехода калмыков к оседлости, вызванный глубокими социально-экономическими причинами. В исследуемый период ряд аймаков, хотонов, хурулов и отдельных лиц просили о наделении землей по указу о заселении дорог 1846 г.* К этому их побуждало стремление осесть и постоянная боязнь остаться вообще без земли, поскольку неясность территории и туманные границы калмыцкого общинного землепользования являлись предметом острых споров и последовательных отводов калмыцких земель в разряд арендных участков (оброчных статей). В связи с этим многие лица и целые общества были вынуждены в этих условиях соглашаться на весьма тяжелые условия для оседания. В силу почвенно-климатических условий Калмыцкой степи норма 30 дес. на мужскую

* Инструкция о заселении дорог 1846 г. предполагала передачу в собственность калмыцким семьям, переходящим к оседлости, участков земли по определенным нормам. Аймак – территория, соответствующая волости. Хотон – населенный пункт, равнозначный селу. Хурул – буддийский монастырь.

душу, установленная в 1846 г., никак не могла удовлетворять нужды скотоводческого хозяйства. Тем не менее съезд улусных попечителей в 1909 г. выработал проект инструкции по применению закона 1846 г., который был представлен на утверждение в МВД [7, с. 170–173]. Эта инструкция являлась одним из элементов Столыпинского аграрного законодательства, где общественным сходам предоставлялось право заменять «общинное пользование землею <...> участковым или подворным (наследственным) по согласию на то не менее двух третей домохозяев, имеющих право голоса» в размере не более 30 десятин на душу мужского пола [10, с. 132]. В марте 1911 г. астраханский губернатор в сообщении управляющему земским отделом МВД говорил о необходимости при наделении землей «иметь в виду 1) разносторонность интересов калмыков – крупных скотоводов и особенно коневодов в связи с интересами государственного коннозаводства и 2) потребность сильно развившегося скотоводства соседних со степью крестьянских обществ» (Там же, с. 142).

К тому же применение этой инструкции, т.е. наделение землей из расчета 30 дес. на мужскую душу, обещало в будущем колоссальные результаты в деле обнаружения земельных излишков: ведь 140 тыс. чел. в Калмыцкой степи Астраханской губернии официально занимали территорию в 6,5 млн дес. В связи с этим астраханский губернатор вполне выразил мнение правительства: обратить оставшиеся «земельные от наделов излишки, прежде всего, в фонд для оброчного устройства промыслового скотоводства и коневодства калмыков» и «местного крестьянского скотоводства» (Там же, с. 142–143).

Другим важным направлением столыпинского землеустройства была переселенческая политика, коснувшаяся также Калмыцкой степи. Как утверждала царская администрация, «в целях объединения интересов русского и калмыцкого населения» «в калмыцкие общества в минувшем (1911. – *Н.К.*) году перечислено 96 семей крестьян разных губерний» [7, с. 168 – 173]. При этом вопрос о земле для крестьян-переселенцев мог решаться только за счет сокращения земельных угодий коренного населения. В исследуемый нами период эта позиция столыпинского правительства получила наибольшее развитие в Калмыкии. Уже комиссия Петрова, созданная в 1906 г. для выяснения положения дел в 10-верстной полосе вдоль правого берега Волги, выработала свой проект решения, который соответствовал официальной версии правительства. Этот проект

был рассмотрен на заседании астраханского губернского правления в марте 1908 г. Главной задачей комиссии было выявление излишков земли в Калмыцкой степи для наделения ею переселенческих сел.

Сам факт принятия закона о совместном пользовании 10-верстной полосой крестьян-переселенцев и казачьего населения с калмыками уже нарушил земельные права последних. Теперь же речь шла о дальнейшем шаге правительства: отчуждении 10-верстной полосы из пользования калмыков. В своем проекте комиссия Петрова пошла еще дальше, предложила установить границу переселенческих сел в 15 верстах от их наделов в глубь Калмыцкой степи. Не случайно даже заведующий Управлением калмыцким народом Годковский на заседании губернского правления вынужден был признать, что проект, предложенный комиссией, «самым существенным образом нарушает интересы калмыков» [8, с. 6–76].

Тем не менее на заседании Черноярско-Еногаевской землеустроительной комиссии в апреле 1908 г. проект Петрова получил поддержку у большинства участников совещания за исключением поверенных от калмыцких улусов. Передача земель 10-верстной полосы в «исключительное пользование» переселенческих сел и казачьих станиц должна была производиться безвозмездно. Особое же мнение представителя Багацохуровского улуса Ц.-Д. Онкорова, предлагавшего превратить 10-верстную полосу в арендные участки, было отклонено [12, с. 233 – 260].

Уже в 1909 г. законопроект об упразднении 10-верстной полосы был рассмотрен в особом совещании при МВД с участием представителей главного управления земледелия и землеустройства. Было решено эти земли распределить «по действительному и бесспорному пользованию» [11, с. 36]. Таким образом, односторонний захват участков 10-верстной полосы со стороны переселенцев был узаконен.

Аналогичное наступление на калмыцкие земли велось и в Ставропольской губернии. В 1908 г. последовало решение ставропольской губернской землеустроительной комиссии «об образовании до 17 тыс. дес. свободной от личного пользования калмыков земли для цепей русской колонизации» и высказывались предложения о возможности использования других «излишков инородческих земель для образования русских поселков» [13, с. 15].

В русле этой политики в 1909 г. проводилось статистико-экономическое и естественно-историческое обследование Калмыцкой степи, задачей которого было доказать имевшиеся, по

представлению властей, излишки земель у калмыцкого населения. И оно полностью оправдало эти надежды. Излишки земель, согласно обследованию, равнялись 100 тыс. дес. при наличии у жителей Калмыцкой степи количества скота, необходимого для прожиточного минимума (29,3 головы крупного рогатого скота на семью – необходимый минимум, по мнению обследователей, для проживания одной калмыцкой семьи в тех условиях без других источников дохода). Для того же количества скота, которое действительно было выявлено в ходе обследования, эти излишки составили прямо-таки фантастическую цифру – 2 млн дес. [1, с. 1].

Сразу же после обследования было запрокинуто под оброчные статьи около 331 тыс. дес. При этом Управление калмыцким народом прямо ссылалось на обследование 1909 г.: «В результате обследования <...> была установлена наличность излишка земель в Калмыцкой степи, из которого возможно было бы, без особого ущерба для калмыцких хозяйств, вырезать оброчные статьи» [14, с. 6]. Таким образом, это обследование дало правительству надежный аргумент для подкрепления его земельной политики. Достойным завершением последней является закон, обсужденный 24 июня 1913 г. в Государственной Думе [12, с. 239] и принятый Сенатом 21 июня 1914 г. «Об упорядочении землевладения оседлого (крестьянского и казачьего) населения и кочевого калмыцкого населения в районе 15-верстной полосы (теперь уже так называли 10-верстную полосу. – *Н.К.*) в пределах Астраханской губернии», в принятии которого сыграли решающую роль проект комиссии Петрова и результаты обследования 1909 г. Взамен тех, хотя и номинально существовавших, 14 прогонов для калмыцкого скота к Волге теперь уже учреждалось только 3 шириной от 2 до 4 верст. Аннулировалось совместное пользование 15-верстной полосой калмыков с крестьянами-переселенцами. Практически все эти земли, кроме учрежденных 3 прогонов, которые никем не должны были заниматься, отходили переселенческому крестьянству и казачьему населению. Селам и станицам земля отводилась в пределах 15 верст от их наделов в глубь Калмыцкой степи.

Особого внимания заслуживает 8-й пункт данного закона: «... земли в пределах 15-верстной полосы, принадлежащие калмыкам, но занятые поселенцами не менее 10 лет», отводились последним. Таким образом, этот пункт давал возможность переселенцам закрепить за собой ранее самовольно захваченные земли. Не случайно в этот период многие спорные земельные угодья Малодербетовского улуса

были отведены крестьянам переселенческих сел Черноярского уезда [9, с. 13 – 85].

После принятия закона 21 июня 1914 г. был намечен план мероприятий по отмежеванию земель переселенческим селам и станицам Астраханского казачьего войска. На 1916 г. планировалось отвести 11 селам северной части Черноярского уезда 230 тыс. дес. и 16 селам и станицам вдоль Волги – 370 тыс. дес. [12, с. 52 – 54]. Для реализации этих планов правительство намеревалось издать закон, «в силу коего предъявление в судебных местах споров о законности или незаконности владения и о понесенных в связи с этим убытках по отношению ко всем земельным участкам <...> впредь не допускались бы, а все дела по сим спорам <...> прекращались бы» [15, с. 13].

Калмыкия также попала в сферу проведения Столыпинской аграрной реформы. Видимо, уже после указа 9 ноября 1906 г. в некоторых переселенческих селах происходило выделение земли в частную собственность. В с. Садовое 222 домохозяевам были выделены отрубные участки общей площадью 21 тыс. дес., в с. Уманцево 84 семьям – свыше 6 тыс. дес. [3, с. 82].

Можно предположить, что в сферу действия Столыпинской реформы попало не только население переселенческих сел, но и некоторых оседлых поселений крещеных калмыков. Например, в 1914 г. происходило выделение отрубов в Бислюртинской волости [4, с. 42]. Выделение участков повлекло за собой создание хуторских поселений в Калмыкии. В 1914 г. близ с. Плодовитое насчитывалось семь хуторов, состоявших из 1 – 6 дворов и названных по фамилии владельцев: Бреусова, Кудинова, Чеснокова и др., у с. Тундутово и с. Садовое – десять хуторов [2, с. 40–90].

Таким образом, в вышеназванных мероприятиях правительства просматривается реализация многих составляющих Столыпинского аграрного законодательства. В ряде случаев правительство было вынуждено учитывать специфику калмыцкого землеустройства (кочевой образ жизни, общинное землепользование). Анализ мероприятий правительства в столыпинские годы свидетельствует об интенсивном вовлечении Калмыкии в общее русло земельных преобразований в России.

Литература

1. Балашов К.А. Калмыцкое животноводство. Обследование Калмыцкой степи в 1909 г. Астрахань, 1911.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 629.
3. ГААО. Ф. 751. Оп. 1. Д. 127.

4. ГААО. Ф. 751. Оп. 4. Д. 46.
5. Команджаев А.Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии: исторический опыт и современность. Элиста, 1990.
6. Наберухин А.И. Калмыкия в трех российских революциях. Элиста, 1987.
7. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 357.
8. НАРК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1655.
9. НАРК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1865.
10. НАРК. Ф. 9. Оп. 7. Д. 1а.
11. Обзор деятельности главного управления земледелия и землеустройства за 1909 год. Спб., 1910.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 84. Д. 43.
13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 341.
14. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 353.
15. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 1256.

Stolypin's land development in Kalmykia

There are covered many insufficiently explored issues of Stolypin's agrarian legislation in Kalmykia. There are characterized in detail the immigration policy and Stolypin's agrarian reform in Kalmykia. The article is based on a wide range of sources used in scientific research for the first time.

Key words: *the Kalmyk, nomads, Stolypin's reform, land development, immigration policy.*

С.Ю. ПАЛЬГОВ
(Волгоград)

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ СЕЛ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ (по материалам полевых экспедиций в селах Камышинского района Волгоградской области)

Рассматривается комплекс свадебных обрядовых действий сельского населения русских сел Камышинского района Волгоградской области.

Ключевые слова: *свадебный обряд, русские, жених, невеста, родители.*

Свадебная игра с ее богатейшей обрядовостью составляла основу цикла семейных торжеств. По смысловому содержанию свадеб-

ное празднество выходило за рамки семьи и превращалось в событие для деревни, хутора, села.

Полевые исследования, ориентированные на фиксацию утрачиваемых образцов народной культуры, часто уже не бытующих в соответствующем контексте, служат основой для реконструкции форм, существовавших в прошлом. То же может быть отнесено к изучению ритуала волжской свадьбы. При этом недостаточное внимание уделяется тому состоянию, в котором ритуал как синкретическое явление находится в настоящее время. Нуждаются в изучении такие аспекты, как воспроизведение структуры ритуала, сохранение или переосмысление функций и семантики связанного с ним свадебного фольклора и традиций его исполнения.

Источниковой базой стали интервью с жителями сел Гуселка, Соломатино, Дворянское, Таловка Камышинского района Волгоградской области [12]. Были также использованы интервью с жителями с. Петрунино [11]. Полевые работы по сбору свадебного фольклора велись в сентябре 2006 г. В данных поселениях Камышинского района была получена наиболее полная информация о традиционных семейных праздниках и обрядах. В других же селах Волгоградской и Астраханской областей сведения обрывочны и не дают полную картину изучаемого явления*.

Изучение традиционных обрядов в целом и свадебного, в частности, должно сопровождаться знанием исторических предпосылок освоения данной территории местными жителями. «Приезжали сюда из Пензенской области, осушали болота и заселялись. Все наше население приехало с Пензенской области» [1]. По указу Петра I в середине XVIII в. малороссы и великороссы для перевозки соли образовали село Петрунино. В 1792 г. переселенцами

* Под руководством автора статьи с 1989 г. по настоящее время проведено свыше 70 фольклорно-этнографических экспедиций в сельские районы Волгоградской (обследовано 29 районов), Ростовской (Обливский, Советский районы) и Астраханской (Черноярский район) областей. В настоящее время на кафедре музыкального фольклора и этнографии Волгоградского института искусств им. П.А. Серебрякова собраны фактологические сведения о песенной культуре и традиционном быте русских, казаков, украинских малороссов, белорусов, татар Нижнего Поволжья и Подонья. В ходе подготовки статьи проанализированы полученные в ходе полевой работы сведения по обрядовой культуре жителей Камышинского, Николаевского, Светлоярского, Среднеахтубинского, Ленинского районов Волгоградской области и Черноярского района Астраханской области.